ОКУРКИ

никита юношев

Пролежав так где-то полчаса, милая моя занялась любимым делом – внезапным сном. «Лимит любовных ласк на сегодня закрыт. Можете попробовать снова, когда абонент будет в настроении» – сочинил я, неоднократно возвращаясь к этим словам много позже, когда она будет сбрасывать мои звонки при ссорах – «Ваш звонок нам крайне безразличен, абоненту все равно».

18+

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Никита Юношев

Окурки

«Автор»
2026

Юношев Н.

Окурки / Н. Юношев — «Автор», 2026

Дерзкий и чувственный сборник из двенадцати коротких историй, которые рассказывают о любви, одиночестве и внутреннем стремлении к счастью. Каждая из глав, заканчивающихся своеобразным итогом, самодостаточна сама по себе, но скрепляется одним и тем же атрибутом – сигаретами, по одной пачке на каждую из историй. Они могут олицетворять непринятие утрат, сближение между персонажами, а иногда запускают и необратимый круговорот кошмарных событий, разрушая иллюзии и мечты.

© Юношев Н., 2026
© Автор, 2026

Никита Юношев
Окурки

Посвящается моей ****** Лизе.

Роман «окурки» – дерзкий и чувственный сборник из двенадцати коротких историй, которые рассказывают о любви, одиночестве и внутреннем стремлении к счастью. Каждая из глав, заканчивающихся своеобразным итогом, самодостаточна сама по себе, но скрепляется одним и тем же атрибутом – сигаретами, по одной пачке на каждую из историй. Они могут олицетворять непринятие утрат, сближение между персонажами, а иногда запускают и необратимый круговорот кошмарных событий, разрушая иллюзии и мечты.

Уникальный стиль и детализация в сочетании с вкраплениями иных текстов мировой литературы создают основу сюжета, исключительность ситуаций, в которые попадает главный герой. Хаотична и хронология в романе: то и дело герой предсказывает для самого себя будущее или отсылается к прошлым событиям, что создает эффект непредсказуемости и погружает читателя в размышления о судьбе и выборе. Схожая беспорядочность заключается и в отсутствии имен действующих лиц, в универсальности и, вместе с тем, обезличенности их переживаний – всех, кроме главного героя, полностью зацикленного лишь на себе и пути к своим целям, но никак не их достижению.

В конечном итоге, «окурки» – история о выборе жизненного пути и стремлении к мечте. Но что, если сама эта мечта оборачивается против героя лишь тем, что просто воплощается в жизнь?

«Мне нужна не сама любовь, а ее ощущение. Густые комки дыма, вбиваемые в легкие и размазанные по ним, словно копоть, с этой задачей неплохо справлялись».

Глава первая.

Самокрутка. «Спрйт».

Сигареты в моей жизни появились одновременно с литературой. Вспышка огня едва ли отлична от вдохновения. Сигареты – повод для знакомства, желание сблизиться с собственной отстраненностью, жуткая зависимость, деталь внешнего вида. Никотин, книги, рутина…

Пачка, в которой они хранятся – набор страшных фотографий и слов, способных предсказать мрачные судьбы множества людей; сигарета в руке – продолжение моих пальцев, фильтр – предмет, затыкающий мой рот, вечно желающий что-нибудь произнести, а дым – бесформенный сгусток, пускаемый в легкие, в надежде заполнить пустоту в относительной близи у сердца. В конечном итоге остаются только грязь и окурки.

Это расстояние между мной и кем-либо, условность времени: с одной стороны, считанные секунды, за которые табак превращается в пепел, тянущийся к губам; с другой – года, обусловленные количеством сигарет и этими мгновениями. Если к курению вы безразличны, можете попробовать само это слово на вкус: сверните страницы в трубочку, выкурите каждую строчку до фильтра, ощущая табачный дым и вкус тлеющей безнадежности.

«Ночью мысли яснее, а сигареты вкуснее» – простая истина, впервые мной озвученная А., знакомство с которой было как раз спровоцировано отсутствием в моих карманах табака. Представить себя чем-то иным, нежели случайной, надменно-фальшивой фразой я постеснялся, к тому же более мне рассказывать о себе было и нечего: окончил школу, распрощавшись с ничтожными провинциальными мечтами своих недалеких одноклассников, после поступив в университет на курс филологии, понадеявшись на него, как на исключительную возможность связать свое будущее с литературой.

Тем летом я устроился работать в местный крохотный кинотеатр со всего одним экраном помощником механика, заодно выполняя работу и проводника: встречал зрителей, рассаживая их по местам, убирался в зале до или после сеанса, собирая смятые бумажные стаканчики или салфетки после глуповатых парочек, обязательно выбирающих последний ряд, суматошно настраивал правильный свет. Бывало, в свободное время я также занимал кресла последних рядов и засыпал, нежно подрагивая и прикусывая в полусне нижнюю губу, когда с экрана доносился голос Катрин Дэнев, Бриджит Бардо или Анны Карины. Особое удовольствие я испытывал от показов «Римских каникул», в частности сцены, в которой героиня Одри Хепберн просыпается в постели Грегори Пека – почему-то именно ее расспросы о том, с ним ли ей пришлось провести прошлую ночь, часто приходили ко мне в подобной форме уже во снах, только в главных ролях красовались уже я и кто-нибудь из моих будущих женщин. Иногда ей оказывалась А.

С ней мы учились на одном курсе в разных группах, и в один из первых дней учебы я подошел к ней, когда карман мой был совершенно пуст – монетки, зажигалка и патрон, украденный еще в школе вместе с одним моим приятелем. Длинный силуэт А. я увидел издалека – она выше меня на пару сантиметров и это обстоятельство часто являлось поводом для шуток и издевок, когда кто-то видел нас вдвоем. Русые волосы, стриженные под каре, слегка закрывали ее округлое лицо и голубые глаза, цвета любого из морей, на берегу которого она отчаянно желала бы погибнуть – такова была ее мечта, не считываемая в одном лишь взгляде. Вокруг нее кружил едва уловимый запах ванили, который перебивался не то выпускаемым ей дымом, не то влагой асфальта.

«Прости, у тебя есть сигарета?» – неловко спросил я, после чего незнакомка молча кивнула, посчитав мою просьбу слишком незначительной, чтобы повернуть свой взгляд ко мне. Я помог подержать ей небольшую черную сумку, пока она искала заветную пачку и наконец угостила меня.

«Спасибо» – зачем-то продолжил я – «Ты тоже где-то здесь учишься?».

«Мы учимся в параллели» – так же отстраненно, как и все ее действия до этого, ответила она.

«Аа… Ну, увидимся тогда» – заключил я, отойдя в сторону. Тогда я не обманул: мы встречались либо в курилке возле университета, часто даже не здороваясь, либо сидели рядом на лекциях, разделенные случайным присутствием какого-нибудь студента. На одной из них я узнал и ее имя – А., которое у меня ассоциируется не то с матрешками на упаковке шоколада, не то с районом, в котором я тогда жил (так он и называется – «матрешки»), не то с морозом. Последнему соответствовало не только ее имя, но и кожа: в холода ее щеки становились красными, как вишни.

Все контакты между нами сводились к тому, что мы стояли неподалеку, куря сигареты, иногда протягивая их друг другу – единственный шанс на касание, но каждый раз тщетный. Никакого интереса к нашим персонам мы не проявляли и, скучая на лекциях, мне оставалось лишь молча и тоскливо глядеть за тем, как она делала в своей тетради какие-нибудь наброски. Лишь изредка наши пересечения оказывались более заметными, но сводились они к тому, что мы сверяли конспекты или первого раза, когда мы друг друга коснулись: А. села на татами перед моими согнутыми ногами, чтобы прижать мои ступни, пока я выполнял задания на физкультуре. Произошло это спустя три месяца после знакомства, и в тот момент мое лицо было таким же красным, как и ее при аномальном морозе.

Настал декабрь. В завершающие его дни я распрощался со своей тогдашней девушкой, обожавшей заводить истерики в моменты деятельного страдания. Обязательным их условием являлись навеянные эзотерикой витиеватые идеалы, одним из которых была ее неестественная худоба, при которой кости выглядывали через кожу с такой силой, что рисковали ее порвать, а за ее фигурой имелись черты маленькой несозревшей девочки – к каждой новой встрече она становилась тоньше собственной тени. Затеяв новый скандал, она намекнула, что я совращаю и насилую ее, просто касаясь губами или поглаживая плечи, так что в припадке ярости она ударила меня тыльной стороной ладони по лицу: «Ты не смеешь! Космос стремится к порядку, а я…».

«Ну вот и пиздуй тогда на орбиту!» – выкрикнул я, накинув на себя куртку и уйдя прочь, чтобы в будущем больше никогда ее не встретить.

Она выступала против того, чтобы я ел мясо («Я не буду с тобой целоваться – у тебя во рту плоть мертвого животного!») и уж тем более она ей не нравилось мое курение («Пить чай и заливать травы кипятком тоже самое, что и курить сигареты»), так что одной из немногих женщин, при которых я мог не прятаться с сигаретой в руке была А., но никакому сближению между нами это не способствовало. Зимой мы все также не общались, но вдобавок к этому еще и наши встречи заметно сократились. Я редко посещал занятия (как и она) и практически ее не встречал, из-за чего стоять на улице под опадающими снежными хлопьями мне зачастую приходилось в одиночку.

С приходом весны мой холод и одиночество начали таять вместе со снегом, и вся пережитая зимой тоска благополучно была спрятана в сугробах. Данное обстоятельство было замечено и самой А., ранее сумрачно подглядывающей за моим непринужденным шагом по университетским коридорам, что позволило мне заново услышать ее голос, когда мы сели рядом: «Теперь уж запомнил, что мы учимся вместе?» – смешливо, точно ради собственной забавы, интересовалась она.

«Говори со мной почаще и может не забуду твое имя» – отшутился я.

Начался новый курс лекций. По случайному совпадению рядом с А. всегда оказывалось свободное место, так что я никогда не терял шанс подсесть к ней. Несмотря на то, что мы уже начали произносить в адрес друг друга более одного слова, развить беседу это не позволяло: опять мне приходилось лишь томно поглядывать за ней, пока она сидела слева от меня, опершись виском на плечо, и утомленно перечеркивала цифры, играя в судоку. У А. была особая любовь именно к этой стороне, левой – на лекциях, прогулках или несколько позже, когда мы

вместе засыпали, она всегда занимала положение слева, делая исключение только лишь в том случае, если с этой стороны оказывался край постели, от которого я защищал ее своим телом.

После одного из занятий я встретил нескольких ее приятелей, внезапно для самого себя солгав им, что А. якобы уже давно ушла домой, тут же побежав ее перехватывать, чтобы моя ложь не всплыла наружу. Поймав же ее, я принялся сочинять сказ о том, что кроме меня никто ее дожидаться не стал. Вряд ли она мне тогда уже нравилась, но, пожалуй, мне хотелось проверить это наверняка. Так мы начали видеться каждый день теперь после пар, сохраняя один и тот же маршрут, от обшарпанных кабинетов нашего вуза до ее частного дома, едва отличимого от барака, проходя по тем же улицам, через те же переходы и беря все время одну и ту же еду. Со смехом, сквозь который чувствовались отчаяние и обида, она рассказывала о себе, о том, как несправедливо с ней могли обходиться парни, заодно обзывая «шлюхой»; причем А. допускала, что это могло бы быть для нее уместной формулировкой, тогда как я впервые брал ее за руки, гладил ладони и старался убедить в том, что это не так. А. всегда была слишком низкого мнения о себе, очаровательно чувствительна и ранима, так, что легко принимала желчный говор других людей за истину, но переубедить ее мне никогда и ни в чем не удавалось. Как-то мы сидели рядом с ее домом и, под конец встречи, она своим легким голосом в поэтичной манере пела разные «песенки» – так она их называла. На этом внимание, которого я удостаивался, заканчивалось, и в один из дней после очередной прогулки я лежал дома в своей кровати, беспомощно размышляя о том, что мне ее никогда не трахнуть.

Курс лекций подошел к концу и наступил апрель, в первые же свои часы оставив меня в дураках – валяясь в постели и замышляя следующий променад с А., меня застал врасплох звонок бывшего одноклассника: «Привет… Спишь, нет? Там это… Маяк погиб… Прямо на улице. Какие-то твари насмерть забили». Маяк – мой ближайший товарищ со школьных времен, вечно спасавший меня от скуки своими байками, анекдотами или никотином – любовь к курению я перехватил от него, неумолимо глазеющего за тем, как я давлюсь дымом, впервые держа сигарету. Себя же он развлекал постоянно, то выхватывая из моих рук блокнот с черновиками стихотворений, зачитывая их всему классу, то вступая в различные передряги, итогом которых становились размазанные по всему лицу побои. Последняя из них кончилась для Маяка трагично, стоило ему, как он любил говорить, «тащить на рэ» толпу каких-то ублюдков, пристающих к его девушке. Ситуация быстро вышла из-под контроля, когда выяснилось, что у одного из участников потасовки с собой имеется нож. На похоронах мое бедро то и дело покалывал украденный нами вместе патрон: «А ведь он недавно курить бросил… Помню еще, мы с ним как-то поспорили, мол, кто первый сдохнет, тот лох. Выиграл, сука…» – услышал я от одного из одноклассников.

Всю следующую неделю я провел в молчаливом трауре, иной раз перетекающем в безмолвную истерику и озноб, что проносились по всему телу. Больше всего меня опустошало то, что в своей боли я был совершенно не одинок: сколько таких, как я, столкнувшихся лицом к лицу со смертью сверстника, но так и не знающих, что им делать дальше, с жизнью уже своей? А. же, первое время только догадывающаяся о том, почему наши ежедневные встречи прекратились, довольно быстро свыклась с ситуацией, дожидаясь меня на улице, беря за руку и отводя курить сигареты. Своими пальцами она гладила мою кисть и мысль о том, что в разные моменты мы по очереди держали друг друга за руки, успокаивала меня сильнее опадающего пепла.

В последующие дни контакты между нами становились ближе, слова интимнее, а сливающиеся воедино руки могли вынести уже целую прогулку, не ограничиваясь только безумной

сценкой. Так она позвала меня на день рождения к одной из своих подруг – появился шанс впервые выпить с ней, познакомиться с ее окружением и остаться на ночь. Тем вечером, уже дома, нарядившись в черные брюки и серый свитер, я стал обшаривать всю квартиру в поисках заправленной зажигалки. Обратившись к столу, я нашел желаемое, заодно наткнувшись на лазоревую табакерку – в ней, врастая в оба края, пряталась сигарета, когда-то отданная мне Маяком: «Сигарета – это кисть, это мое перо. Все свои лучшие строки я написал, не вынимая сигарету изо рта. А вот ты? Нахуя тебе сигареты?» – полюбопытствовал я.

«Чтоб не сдохнуть» – поглаживая выбритый висок, ответил Маяк.

Спрятав сигарету за ухо, я вышел в подъезд на лестничную площадку. Становилось прохладно. Сквозь окно было видно, что звезды уже отощали, а луна свернулась в уродливый блин. Отовсюду ко мне подкрадывалась тишина и, стараясь не затевать с ней распрей, я включил в наушниках песню «I'm Waiting For The Man», поднес пламя к краю сигареты и затянулся. Ничего, кроме терпкого остатка во рту я не почуял, дым заполонил мои легкие до того, как успел прозвучать голос Лу Рида. Легкая дрожь пробежала по всему телу, ударив своим ледяным острием прямо в набрякшее сердце. К башмакам стекло несколько капель пота. Постепенно в моих глазах начало темнеть, и эта темнота имела объем: она меняла свои формы и переливалась, будто гремящее море или шелестящие черные шторы в лишенной света комнате. Мои ноги подкосились и оторвались от земли, пустив тело вниз по лестнице.

«Feel sick and dirty, more dead than alive,

I'm waiting for my man».

Очнувшись, первым делом я почувствовал странное жжение на деснах. Ко рту подступили маленькие слезные капли, щекочущие нос и размазанные по всему лицу, мокрому и скользкому, будто ледяная глыба. Оторвав голову от ступеней, я заметил крохотную лужицу крови и, проверяя языком целость губ, запнулся о передние зубы, чуть не порезавшись – от них остались только осколки. Даже глядя на часы мне не удавалось посчитать время – их стрелки будто сбегали за пределы полюса. Стоило мне потянуться вверх и напрячь колени, я плашмя рухнул обратно наземь.

Жадно глотая доносившиеся с окна потоки воздуха вперемешку с пылью, я оперся спиной к стене, прижав колени к груди: «Я ведь могу здесь так и остаться… Просто тихо умереть. Маяк…» – услышал я, вытирая с лица снова непроизвольно выступившие слезы – «Ведь он точно также желал когда-то отучиться, просто работать, ему не надо многого… Было. Сейчас он мертв, и чем же занят я? Чем буду заниматься потом, все так же слагать глупые стишки, которые никто никогда не прочтет? Убей, убей…».

Эти слова были похожи на отголоски вдыхаемого мной яда, на потерю координации и, хотя они произносились моим голосом, все же им не являлись – тем не менее все время, что я валялся на лестнице, они подстрекали меня к смерти. Самым страшным во всем этом были сложно уловимые пары безумия, витавшие в моей голове, как едва заметные нотки «Лакоста», растворявшегося от меня в дуновениях ветра. Я стал слабо повизгивать, предвкушая потерю рассудка как необходимую жертву в этой борьбе между жизнью и смертью. У меня не было ни единого козыря, которым я мог бы противостоять парившему в моем сознании сумасшествию. Долго шаря по воспоминаниям, как по карманам, передо мной всплыло лицо А. и ее оброненное в телефонном разговоре «Я тебя так уже жду…».

Значит, умереть я не мог – вот оно, мое оружие, моя А., преданно ждущая и уже успевшая разволноваться оттого, как долго меня нет. Найдя в себе силы подняться, я стал ковылять вниз к выходу, заказав и быстро нырнув в такси. Только в салоне, поглядывая в переднее зеркало я обнаружил полностью разбитую правую часть лица и, улыбаясь во весь рот, три разбитых зуба: «Этой ночью я либо ее поцелую, либо убью себя» – на этот раз уверенно твердил голос уже мой.

Выйдя из машины и позвонив А., она тут же вышла на улицу, и я наконец ее увидел, ее, в широких шортах, едва закрывающих бедра и тонкой черной майке. Не взяв ключи, она пару раз закрывала дверь подъезда, чтобы согреться – кроме моей потери в пространстве даже в знакомых местах это стало одной из причин, по которой я не увидел ее сразу. Я тут же подбежал к ней, снял с себя пальто и укрыл им ее плечи, а она гладила ладонями мои щеки: «Никит, что с тобой? Что случилось?».

«Я…я…. А-а-а….» – я протяжно завопил ее имя – «…Я очень сильно к тебе спешил!».

Зашел в гости я к самому завершению праздника, толком не успев познакомиться ни с кем из гостей: чудный повод для нас с А. занять один из трех диванов, начав готовиться ко сну. На улице уже светало, так что даже сквозь шторы передо мной ярко блестело ее лицо, но не долго – А. тут же повернулась ко мне спиной. Я лежал и, не целуя, проводил губами линию вдоль ее голых плеч, снимая с нее одеяло – в общем, делал все, чтобы она повернулась ко мне лицом. Это сработало, но не так, как мне бы того хотелось: «Ты какой-то гашенный. Ты меня пугаешь…» – А. искала любые отмазки – «А еще у тебя нет зубов. Сейчас я с тобой целоваться не буду».

«Но я так по тебе скучал…» – внезапно прошептал я.

«Заткнись, заткнись…» – приказала она и закрыла лицом одеяло.

Я переложил свою голову ближе к ней, так, что наши губы едва коснулись друг друга, и А. поцеловала меня, спасла, со всей нежностью и интимностью, что только могла предложить окружающая нас обстановка. Давала она нам, однако, немного, и после того, как не успевшие заснуть ее подруги не сдерживали своего восторга, мы вместе выбежали в подъезд к окну. По ощущениям мы там провели несколько минут, лишь после узнав, что отсутствовали более часа – вслед за мной, задыхаясь в яде поцелуев, уже А. начинала сомневаться в порядке времени. Целуясь, и без того высокая А. вставала на носочки, так что мне приходилось откидывать свою голову назад, медленно соскальзывая вниз и путаясь в созвездиях ее выжженных родинок, от чего ее дыхание каждый раз сбивалось, а тело начинало дрожать.

В следующий раз мы увиделись спустя несколько дней, случайно встретившись с ней на улице возле нашего университета. Зубы мне восстановили, но сделали это настолько скверно, что свою и без того редкую улыбку мне совсем не хотелось кому-то являть; хотя А. было не трудно меня заставить это сделать.

Пришлось немного подождать, пока все студенты, с которыми мы учились, разойдутся, чтобы поцеловаться – ей очень нравилось напоминать мне о том, что первой все-таки поцеловала меня она. Сошлись мы на том, что подобная условность встреч нам подходит, но переспит А. со мной только после того, как мы станем парой. Она была мне мила, но понятия о любви у нас с ней явно различались: А. была готова мне отдать все, что у нее было, пока я считал саму любовь глупостью и выдумкой – видеть мне ее попросту не приходилось и последняя девушка,

в адрес которой я относил это слово, обвинила меня в изнасиловании. Отчасти мой отказ от отношений был спасением для А. – в тот момент они были обречены на провал, так что мне пришлось искать другой способ затащить ее в постель. Само это желание было для меня выше типичного плотского удовлетворения, скорее, оно показывало, как, не взирая на рост, высоко она передо мной стояла, как важно мне было доказать самому себе, что помимо рытвин своей чувственности она могла бы доверить мне и свое тело. Спустя много времени, когда на смену всей этой слюнявой романтике и взаимной проникновенности придут нескончаемые ссоры и ругани, я окажусь прав – безопасность и около-любовные чувства я смогу испытывать только находясь внутри нее.

Пока что мне предстояло подтвердить эту теорию: как-то прогуливая пары у нее в гостях, мы успели разлечься на ее кровати и расплыться в круговых поручных ласках, договорившись о продолжении у меня дома через несколько дней – до той ночи же мы повторяли все сюжеты и тропы наших свиданий, с разницей в том, что теперь мы без конца целовались. В условленную ночь А. приехала поздно вечером и было думала предложить включить какое-нибудь кино, но я уже поставил составленный мной ранее плейлист и начал ее раздевать. Мы переспали и с этого момента пошли в разнос, рушилось все: все барьеры и скованности, спинка и ножки родительской кровати, стены, по которым стучали мои соседи, рвалась одежда и моя кожа, когда А. вцеплялась в нее ногтями. С той ночи мы стали одной разрушительной, мародерствующей силой, и это было выше того максимума, который, как я думал, я мог ей предложить: мы сбегали с занятий, чтобы целоваться в коридоре, возвращались, держась за руки, ругались при толпах студентов, трахались в кабинках туалетов торговых центров, в закрытых кабинетах нашего университета, в подъездах, на разбросанных по столу листах реферата, у друзей или у меня дома. Сплошная страсть и неугомонность, а сама А. была лицом на алом флаге моего бунта.

А. – алый цвет: цвет ее крови на моих простынях, цвет моих царапин на спине, искусанных губ, вина, что мы пили, ее щек, колен и локтей после секса, кончиков ее крашенных волос, ногтей, цвет моего поделенного на нас двоих бунта, революции, не то культурной, не то сексуальной. Во всяком случае той, что точно бы поддержали французские студенты в конце шестидесятых, может даже Годар или Трюффо, ни один из фильмов которых мы так и не досмотрели, но досмотреть бы и не удалось, ведь А. испытывала ревность к чему угодно – к моим воспоминаниям, к проходящим мимо девушкам, нашим знакомым или даже к кино, будто была уверена, что сюжет или актеры могут завлечь меня куда сильнее нее, сидящей рядом.

«Алый» – самое нежное из прозвищ, которое я только мог для нее выбрать, отталкиваясь еще и от цвета ее губ, с которыми она могла делать все, что угодно: прятать, поджимать, вытягивать вперед, уводя в сторону, делая задумчивое выражение лица, легонько зажимать, но никогда не кусать – это она всегда оставляла для губ моих. Особая страсть у А. была к тому, чтобы их облизывать, отчего они оказывались мягкими и свежими, как мякоть, во время поцелуев и липкими, как смола, когда она подносила к ним сигарету: «К моим губам прилипла сигаретка, поможешь достать?» – она обожала так со мной заигрывать, точно зная, что я молча наклонюсь ближе к ней, легким движением руки достану сигарету из ее рта и поцелую в губы. Как-то я пролежал обнаженным в кровати больше пятнадцати часов, не выпуская ее из своих объятий – секс, непродолжительные разговоры, сигареты, заранее спрятанные под матрасом, разбросанные вдоль кровати бутылки охлажденной минералки, пустые кружки, наша одежда и А., милая моя алая А., утоляющая минутную жажду спрайтом или медленно стекающими со дна бутылок винными каплями, после захлебываясь в оргазмах, – стоило ей сделать ровно один глоток и все начиналось сначала.

Все это было к разговорам о страсти, но никак не о любви, ведь любовь – цвет красный. Отталкиваясь от своего таланта в живописи, А. могла бы мне предложить целую палитру из любых цветов, которые я бы только пожелал. Я же художником никогда не являлся, и все мои знаки внимания ограничивались игрой на публику: бывало, я заявлялся в гости к ней и ее подругам, выбивая дверь и крича «Кто-то видел мою девчонку?», или завуалированно рассказывал о наших с ней свиданиях, делая вид, будто рассказываю о встречах с другими девушками. А. все прекрасно понимала и медленно, но учтиво расплывалась в улыбке.

Схожие эмоции она оставляла за собой и когда я читал ей свои стихи, написанные к ней: я терпеть не могу посвящать стихотворения кому-либо, но присутствие того или иного человека в ней отрицать было бы глупо – даже одно слово вызывает слишком много ассоциаций. Опять же, я вовсе не художник и на все свои наброски я накидываю строки из своих стихов, чтобы придать им хоть какую-то ценность. Портретист из меня тоже нескладный: очертания моих женщин едва несут какие-либо подробности, и что красота их глаз, что размер грудей исполнен принципиально одинаково. В каждой из них течет разная кровь, но на бумаге она предстает однотонными бездушными чернилами. Однако тогда же я начал проводить эксперименты со смешением, описывая именно наши встречи:

«губами оставляем следы на телах,

не можем дать имя этой ночи.

выбегаем из дома с полнотой чувств,

нам становится так скучно.

я бегу по одиноким рельсам,

ты читаешь мои стихи.

я падаю и истекаю кровью,

ты лечишь меня своей любовью.

мы идем по тихим дорогам,

оставляем за собой табачный дым.

видим дно чужих отношений,

ощущаем ту жизнь, которую ненавидим.

пьяны. желаемы.

мы снова ложимся в мою кровать.

обнажаем друг друга до костей и вновь

губами оставляем следы на телах».

А. настолько пленялась каждому своему упоминанию в моей поэзии, что к следующему дню читала мне ее наизусть, превращая в песни своим жарким, тонким голоском.

Но все же самое преданное, что я мог ей дать – сон. Когда мы вместе засыпали, то я подкладывал свою руку под ее шею, а она сворачивалась всем телом, как испуганный зверек, кладя голову мне на грудь. А. любила ворочаться, иногда шептать во сне что-то бессвязное, переворачиваться и стягивать с меня одеяло, но не взирая на все ее шалости, я никогда не отпускал ее. Для меня это стало негласным правилом любых отношений – ни один мужчина не смеет засыпать раньше женщины, и пусть я ее не любил, А. тогда была моей женщиной.

Спустя три недели я предложил ей стать парой, но, как я и думал, эта попытка оказалась неудачной – А. попросту не верила в мои слова: «Это не смешно. Не говори об отношениях, зачем ты так надо мной издеваешься?».

«Я правда хочу быть с тобой, хочу, чтобы ты была моей, Алый» – убеждал ее я, смотря в прошибающие честностью и грустью глаза. Так я смотрел на нее, смотрел и думал, что ведь она любит меня, она хочет быть со мной – от чего я ее этого лишаю? Разве меня будет любить кто-то сильнее? Почему я не могу полюбить ее в ответ? Спустя пятнадцать минут доказательств, что я не шучу и не издеваюсь, она, плача от радости, согласилась.

Второй цвет, который мог мы подойти для А. – розовый: розовые обои в ее комнате, розовый топ, что я подарил ей во время одной из прогулок, ее ужимки, девичий смех. Порой А. была похожа на маленькую девочку, так мило и наивно желавшую, чтобы на нее обратили внимание. С моей стороны оно стало исчезать постепенно, с приходом осени и началом холодов.

А. отчислилась из-за нескольких долгов, так что виделись мы редко. Я не был занят поисками работы, и учеба для меня уже тогда перестала иметь хоть какую-то важность. Если А. чувствовала себя плохо или одиноко, то я делал ей одолжение тем, что выслушивал ее по телефону. Наши свидания случались только по моему желанию, в те дни, когда я начинал скучать не то по ней, не то по ее голому, влажному телу – она же скучала всегда и всегда ей было меня ничтожно мало. Чем дольше я сохранял расточаемую дистанцию, тем сильнее забывал о том, что у меня есть А. – ее никогда не было в моих планах хотя бы на ближайшее будущее, даже на грядущий день: «Мы с тобой слишком хороши, чтобы тратить время впустую» – говорила она, не замечая моего тягостного страха, что впустую тратит время только она, оставаясь со мной. Если я начинал по ней скучать, то эти чувства пропадали, стоило ей только открыть рот.

Со временем я перестал испытывать к ней что-либо кроме злостного раздражения. Меня бесил ее громкий смех. Меня бесило, что она выше меня. Меня бесило, что у нас с ней одинаковый размер ноги. Меня бесили ее очки. Меня бесило, что во время секса она никогда не снимала носки. Меня бесило, если она забывала, что хотела сказать или не могла вспомнить какое-нибудь мое слово, произнесенное несколько месяцев назад. Меня бесило, что у нее есть такой мужчина, как я, явно не стоящий и взгляда в свою сторону. Когда мы начинали говорить

о чувствах друг к другу, А. печально, стараясь скрыть слезы, желала мне, чтобы я «нашел ту, кого буду любить всю жизнь». Она понимала, что ей таковой не стать, пусть и надеялась на это – я же считал, что таковой не стать никому.

В конечном итоге, меня бесило, что ничего из этого не является хоть сколько-нибудь весомой причиной ее ненавидеть. Я сам влюбил ее в себя своим лукавством, бесстыдством и вульгарностью – теперь же меня бесит, что она на это все повелась и пытается дать мне узнать другие черты, но я их брезгливо отвергаю. Отвергаю ее саму – в чем же здесь ее вина?

Моя ослепительная, добрая А., изувеченная моей дуростью, я бы стер все увиденные закаты, опадающие на мое лицо, лишь бы только еще раз увидеть на себе твой влюбленный взгляд. Ни одна из твоих скованных мыслей, ни одно из заплетавшихся слов, ни одна из масок отчаяния не скроют от меня милость твоих черт. Любой из твоих красочных нарядов стоило бы сменить на доспехи и защищаться от бури моих бесчувственностей и сомнений. Никто не вправе обладать ни тобой, ни твоей чуткостью, ни твоим белоснежным лицом. Ни капли ненависти мне не найти ни на тебя, ни на твою красу.

Ровно, как и хотя бы каплю любви.

Однажды мы встретились в парке, где было много моих знакомых, ничем не примечательных для А. – фотографы, художники и музыканты, с которыми я поддерживал пустые искусственные беседы, наводящие на нее сплошную скуку. Между мной и А. больше не было того разрушения, которое мы всегда обращали к другим людям – теперь я разрушал и опустошал нас с ней, опустошал как банки пива или пластиковые стаканы с шампанским в тот вечер. Так я вышел из парка за алкоголем с одной дурой-художницей, которая, пока мы переходили через дорогу, призналась: «Я такая несуразная, когда выпью, любвеобильная… Можно тебя поцеловать?». Я податливо протянул к ней свои губы. В нескольких десятках метров в этот момент меня отреченно и болезненно ждала в парке А. – я сам спрятал ее от себя где-то очень глубоко, и смотрел на ее любовь, как на блик угасающей после соитий страсти.

Спустя два дня я во всем признался ей по телефону, стараясь списать тот поцелуй на то, что я был пьян, что все было слишком быстро, случайно. А. пришлось все обдумать и выдержать мучительную, оглушающую паузу прежде, чем сказать: «Думаю, мы с этим справимся». Действительно простить меня и смириться с тем, в кого она влюблена, у нее бы получилось. Это было бы обреченно, но больше я не мог смотреть в ее глаза честно. Сердечность А., чистота ее души становились моим грехом, она все сильнее утверждали меня как грязь, об которую я глупо и злобно вытирал чистые полотна ее любви ко мне. У меня появилась еще одна причина для ненависти.

Мы стали чаще ругаться и могли этим заниматься где угодно. Иногда мы ненадолго выходили на тропу перемирия, как, например, в мой день рождения: А. тогда подарила мне сборник моих стихотворений, приправленный десятками написанных ей иллюстраций, но ни одна из них не красовалась возле тех, где А. была бы описана, будто она старалась свести свое присутствие в моей жизни на нет даже в памяти.

Ссоры множились. Особенно зыбкими они оказывались у нее дома: я поглядывал на белый потолок в ее комнате и неизменно обращал внимание на заостренные лампы – мне хотелось сделать их наконечником стрелы или копья, которым А. могла бы меня поразить вместо слов о своих переживаниях. Если же эти ссоры проходили у меня, то, оставаясь у себя в ком-

нате в сокрушающей отчужденности после ее ухода, я приходил в себя лишь тогда, когда начинал примерять на себя заранее уготовленную мне роль в этом мире – быть тем самым бунтом и революцией где, когда и с кем угодно. Не поэтом. Не любовником или богемой. Быть ебаной грязью.

Когда-то А. спасла мне жизнь просто тем, что поцеловала меня. Теперь же ее поцелуи меня убивали, в ее слюне будто прятался уже знакомый яд, ведь были они воплощением той любви, от которой мне хотелось отказаться.

«я падаю и истекаю кровью,

ты лечишь меня своей любовью».

И я это сделал.

Была последняя неделя декабря, двадцать пятое число. Встретившись, я тут же растерялся, размышляя, как это все чудовищно, как грубо, подло – вот, вот же она, сидит и смотрит на меня теми же глазами, в них так же видна мечта о море и все еще есть шанс вместе с ней рухнуть на песок в далекой и счастливой старости. Но А. уже сама отлично понимала, к чему ведет моя истерика: «Пока я рядом, мы будем вместе, а расстанемся, когда я уеду домой. Сегодня последний день, когда я буду твоей любимой… Дай мне немного оттянуть это чувство?».

Лежа в постели, неторопливыми взмахами мы разделись. С каждой секундой я сильнее напрягал свою руку, сжимая ее горло, а в блестящих глазах А. почти был виден экстаз. Она была готова вот-вот начать задыхаться и тогда я стал целовать ее в губы, не зная, чего хочу больше: окончательно лишить ее воздуха или поделиться собственным? Я ненадолго отслонял от нее свое лицо, пока мы целовались, а наши губы скрепляла длинная тонкая слюна. Перестав ее душить, я обхватил ладонями ее лицо – А. наконец открыла глаза и так, глядя друг на друга, мы кончили. Я тут же рухнул головой на ее плечо, уткнувшись своим в ее губы. Она вся промокла и ее волосы, прилипшие к влажному от пота лбу, напоминали ветви. Мне нравилось ощущать эту слякотность тела, умываться в спелости ее влаги, ворочаясь лицом в шее. Тяжело хрипя в разные стороны, я чувствовал бешеный ритм биения ее сердца, руки, обхватившие мою спину и то, как она втягивает свой живот, пока на него с ребер стекает наш пот. Ее лицо несколько раз меняло свой оттенок: от привычного аленького до фиолетового, чтобы в какой-то момент приобрести бледность, как у трупа, как у чистого листа. Но не того, с которого можно было бы начать новую счастливую историю. И единственным покойником в той постели тогда оказался я.

«громкими шагами стираем обиды,

вместе с памятью о ненужных словах.

когда-то были неразлучны, но сейчас

лучше оставить память о наших телах».

Для меня это прощание было не просто потерей А., но принятием другой жизни, в которую пустить я бы ее не смог.

В следующий раз мы встретимся через двенадцать дней – у А. был день рождения. Мы долго сидели и обнимали друг друга, но каждый по-своему: она, вероятно, понимая, что все еще меня любит, а я с полным пониманием того, что так крепко вжимаюсь в ее спину в последний раз.

Я проводил А. до дома – в ее планах было переодеться, немного отдохнуть, успеть прийти в себя и поехать кататься на машине с каким-то новым знакомым – через две недели я узнаю в нем ее следующего избранника. Прощаясь, она задумчиво сказала: «Знаешь… Когда ты умрешь известным поэтом, я перечитаю все твои стихи, сделаю из них библиографию, я посмотрю все твои интервью… и напишу книгу».

«Обо мне?» – сдерживая смущение и улыбаясь, уточнил я.

«Нет, можешь не обольщаться» – усмешливо опровергла мои догадки А. – «…Я напишу книгу о каждой, кого ты касался и кого ты бросил».

«Думаю, сможешь рассчитывать на мировой бестселлер».

«Думаю, да» – согласилась А., уже не сдерживая смех – «Обещаю, что сделаю все для этого».

«А почему именно когда я умру?».

«Потому что только после смерти тебя живого некому будет любить. Даже мне».

«А можешь пообещать еще кое-что?» – попросил я.

«Что же?».

«Обещай мне, что ты подхватишь простуду или, может, тошноту, когда я умру».

«Обещаю» – в последний раз произнесла она.

А., не снимая улыбки со своего лика, поцеловала меня в щеку, направляясь к двери, но остановилась. Она обернулась. Так, будто предыдущего взгляда в меня ей не хватило, нужно было наверняка запомнить все мои черты – не будет же она писать о любовницах того, чьего лица не помнит? Она посмотрела на меня, еще раз улыбнулась и зашла домой, закрыв за собой дверь. Я же развернулся и отправился к себе, чтобы в скором времени начать копить для ее книги своих будущих любовниц. С первой, самой любящей и трепетной из них я только что попрощался навсегда, думая лишь об одном – «теперь я грязь».

Глава вторая.
Винстон тонкий. «Грязь».

С того дня, как мы попрощались с А. и моего решения о полном пересмотре того, кем я являюсь, прошло два месяца. Вернее, два отвратительных месяца и один день – было седьмое марта. За это время мало что изменилось и возможно, если бы мы не расстались, я бы дал нашим с А. отношениям шанс на нечто стоящее.

Я стал подрабатывать фотографом, снимая детские праздники, глазел на последний в городе трамвай и шел по метелям и сугробам домой пешком, думая лишь о том, что дома мне хочется видеть горячий ужин и женщину, ожидающую моего прихода и готовую расправить свои руки для объятий. Короче, скука и пошлость. Может, я мог бы тогда стать прилежным остепенившимся семьянином, тратящим заработанные копейки на любимую, но правда в том, что единственный шанс для А. на что-то хорошее был в моем отсутствии.

Статус «грязи» как таковой я тоже толком не оправдывал, да и в чем он заключался? Просто одна из многих глупых установок на жизнь девятнадцатилетнего оборванца, вдруг осознавшего, что оказанного внимания ему мало, от кого бы он его не получал. Пару раз я выпивал в баре один, с кем-то знакомился, в лучших случаях целовался и успевал коснуться плеч или колен новоиспеченных незнакомок, но возвращался домой я в таком же одиночестве, как и приезжал. Немногим, что могло прояснить воспоминания о прошедшей ночи были кубики льда, которые я прикладывал к вискам по утрам.

Пил я тогда не так часто, но много. Лишь однажды у меня была напрасная возможность провести ночь не наедине с собой, в ледяном одиночестве: познакомившись в осточертевшим мне кабаке с новой заложницей мы успели выпить несколько коктейлей до того, как поехать к ней домой. Ее имя выскочило из моей головы, стоило ей обнажить грудь, так что даже условной заглавной буквы для нее мне не найти. Я тоже успел полностью раздеться, но половому акту помешали резвые удары во входную дверь и ее испуганный выкрик: «Он нас убьет!». Она быстро помогла мне собрать раскиданные вокруг кровати вещи в одну мусорную кучу, отправив их на открытый хрущевский балкон вместе с моей тушей. Я сидел на корточках и старался одеваться так, чтобы мою голову не было видно через окно разъяренному каратисту, осматривающему квартиру и устраивавшего скандал, пока мое тело осыпали февральские снежинки. Так я просидел до утра, после возвращаясь домой под сплющенный провожающий взгляд спального района.

И вот наступила весна. Ее солнечные лучи, рассекающие сугробы на пару с непрекращающимся снегопадом превращают город в одну большую слякотную пропасть. На улице уже тепло, и я хожу в расстегнутом пуховике с обмотанным вокруг шеи шарфом. Год назад я готовился к тому, чтобы вот-вот отправиться на первую прогулку с А., но даже пришедшее тепло не было способно рассеять мутную туманность в моей голове. Иногда мне хотелось с ней встретиться, узнать, как ее дела, но больше, конечно, рассказать о себе, как будто ей нужно было знать, на какую жизнь я променял наши с ней отношения. По непонятным причинам от меня отвернулись все наши однокурсники, чья неприкрытая ненависть в отношении меня демонстрировалась смешками и перешептыванием за спиной. Кажется, кем-то был распространен слух, якобы я занимался оральными ласками в кабинке туалета с одной рыжей грудастой девчонкой, которая успела всех выбесить своим своенравным характером. Мы же с ней могли перекинуться парой фраз и предел интимности, который мы позволяли – подпаливать друг другу сигареты.

Как-то раз я зашел в уборную и заметил, что один из писсуаров был заполнен открытками с моими стихами – я сам делал их и печатал на работе, позже аккуратно вырезал и раз-

давал всем, кто приходил послушать мои чтения на открытых микрофонах во время больших перемен. Я воспринимал их как своеобразный билет на представление, где я являюсь главным артистом и, несмотря на этот инцидент, я до сих раздаю их всем, с кем знакомлюсь – маленькая память обо мне, которую можно хранить в бумажнике. Собственные работы, будь то мои ранние стихотворения или литературоведческие анализы разных произведений я ставил выше самих критериев оценок и молча кивал головой, когда их начинали критиковать – их ценность для меня самого было мне очевидна. Что касается моего словесного бунтарства, то он никогда не переходил на личность человека, так что когда мне становилось скучно, я начинал незатейливые споры со всей своей группой просто от безделья, переводя направление занятия в сторону собственных интересов и открывал рот лишь тогда, когда мне вообще хотелось что-то сказать.

Все это было похоже на глупую причину найти повод нас с ней изолировать ото всех, но меня в какой-то степени даже забавлял факт, что что-то схожее у меня было с А. Впрочем, об этом никто и никогда не догадывался: лучше своих чувств мне удавалось прятать лишь следы неосязаемой страсти. Даже так мне приходилось поддерживать эту вынужденную отстраненность: усаживаться на последние ряды в лекционных залах, прятаться за обратной стороной корпуса, когда я хотел покурить или опускать серый взгляд, если я проходил мимо групп толпящихся бывших приятелей.

Выскочило новое утро: я проснулся от писка своих электронных часов – серебряных «Касио», которые начинали звенеть с приходом каждого нового часа. Так они сообщили мне, что я проспал первую из двух пар. Мне никогда не были близки науки, в том числе и гуманитарные, настоящим филологом я себя также никогда не считал, а грамотно выбирать слова я научился благодаря собственной начитанности. Можно сказать, что я изгнанник любых институтов, от социальных до семейных. Но вынужденный ли? Вся суть протеста, который я нес в образовательный процесс, заключалась либо в том, что я прогуливал пары и шел пить пиво, либо пил пиво перед парами и уже на них засыпал.

Уже после занятий мне позвонил мой приятель, работавший лаборантом в лингвистическом корпусе: в преддверии выходных в честь женского дня он уже успел выпить прямо на кафедре французской литературы и предложил мне продолжить вместе с ним это дело в каком-нибудь баре. Он успел получить мое согласие прежде, чем я сбросил трубку: вдалеке я увидел одноклассницу, с которой мы не встречались со средних классов. Она тоже меня заметила и, вдвоем расплываясь в улыбке, мы обнялись.

Довольно быстро мы оказались у нее дома: мне как раз нужно было чем-то занять себя перед тем, как провести остаток вечера в баре. Общие наши воспоминания о временах школьной скамьи дополнялись ее неоднократными удивлениями тому, как сильно за это время я изменился: стал опрятнее выглядеть, больше улыбаться и шутить, пусть и остался таким же худощавым. Мне было приятно встретить ее спустя столько времени и кроме того, как ее занесло в тот же вуз, что и меня, мне было интересно слушать ее саму. Она и в школе была хорошей девчонкой: всегда давала мне списывать, ругалась на мальчиков, если на физкультуре они пинали в меня мяч и даже будто немного расстроилась, когда мне пришлось перевестись в другую школу.

Пожалуй, это был первый сердечный диалог с кем-либо со времен расставания с А. Даже несмотря на то, что выбор стать «грязью» сам по себе был сомнителен и будто был предпринят только за тем, чтобы принять собственные слабости, это был выбор искренний. И «искренний»

здесь слово ключевое – кем бы я ни был, как бы не поступал, я делал это со всей честностью по отношению к себе и всегда старался эту честность демонстрировать другим людям.

Моя одноклассница заварила травяной чай, переоделась в ванной, и присела ко мне, ожидавшему ее на плохо заправленной постели. Я уперся спиной к стене, поглядывая за легкой метелью за окном, пока она разливала нам кипяток и садилась напротив меня, упершись ладонями на колено и подставив на это сооружение свой подбородок. Так мы просидели достаточно, чтобы чай, к которому мы так и не притронулись, успел остыть, а мои часы снова прозвенеть– так они напомнили мне о планах на вечер и том, что скоро бы уже стоило уходить. Пасмурный пейзаж за окном до сих пор освещал зеленоватые, где-то ободранные стены ее жилища, прикрываемые фотографиями из каких-то фильмов. На полу в огромных стопках друг на друге громоздились книги по психологии и эзотерике, а на входной двери красовались строки: «НЕ ВЫХОДИ ИЗ КОМНАТЫ, НЕ СОВЕРШАЙ ОШИБКУ». Все эти детали создавали слегка опечаленное, но уютное настроение, при том, что все вышеперечисленное я терпеть не мог.

Покидать это место не хотелось. Впервые за два месяца появилась девушка, с которой мне было просто любопытно поговорить, немного посмеяться, разделить давно забытые мной воспоминания. Мы сменили позу и легли параллельно друг другу, уткнувшись лицами в голый потолок – с него на нас глядела в ответ давно перегоревшая лампочка. Я начал свой длинный монолог: вспоминал А., как груб я был к ней и ее любви, как я надеюсь, что ничего подобного в новых отношениях ее не ждет.

Смех и улыбка сменились на тоску в голосе, а затем и в ком, повисший в горле, в едва слышимый крик падшего человека. Говорил я, не проявляя никакого интереса к собеседнику – самым важным для меня было просто оказаться услышанным. Во время рассказа она повернулась ко мне, утверждая свое присутствие рукой: она поправляла мои волосы, убирая их за уши, гладила мою кисть или рисовала странные узоры на груди или животе. Всего этого я не замечал до того, пока ее ладонь не стала скользить все ниже по моему телу, остановившись возле промежности. Она расстегнула ширинку моих брюк и двумя пальцами начала поглаживать мой пенис через ткань.

«Что… Что ты хочешь сделать?» – прервал я свой рассказ.

«Как, что? Утешаю тебя…» – ответила она, так проникновенно и живо, будто делала мне одолжение, словно ее действия не отличались от объятий – «Я внимательно слушаю, продолжай» – утвердила она, сжав мой член так, что я судорожно пискнул.

Я старался говорить дальше, но теперь бессвязность моих слов подкрепилась еще и пониманием всей абсурдности ситуации: «Почему меня нельзя было просто выслушать и уже потом пытаться стянуть с меня брюки? С чего я вообще взял, что ей интересно было все это знать?». В иных случаях все действия направлены именно на то, чтобы соблазнить собеседника и ни для одной из сторон это откровением не является. Так, маленьким дополнением, попыткой показать себя с лучшей стороны, чтобы вызвать интерес. Моя одноклассница была красива, ее обтягивающая майка хорошо дополняла формы грудей, и мне также нравилось, как она по озорному игралась со своими ступнями, закрытыми в белых мешковатых носках, постоянно их вращая. Но все это было деталями домашней, укромной стороны девушки, которую я не видел много лет. Сама по себе эта прелюдия не имела никакого смысла, ведь прелюдия выше действий, направленных на возбуждение партнера: в случае любовных отношений это необхо-

димый момент нежности, а в случае исключительно страстных – попытка стать ближе к человеку за счет проявленной нежности.

Сосредоточиться и попытаться найти удовольствие в том, как она старалась добиться моего возбуждения у меня не получилось – она была аккуратна, но это не было нежностью и не было даже частью самопровозглашенной мной ранее «грязи». Это была пустая трата моего времени и тщетная попытка вылить все эмоции, накопленные за последнее время.

Так я окончил свой рассказ: мои часы запищали, как бы вместе со мной сказав быстрое: «Хватит. Пора». Резким движением я поднялся, из-за чего ее рука дернулась и соскочила с моего члена, ударившись о постель. Я встал с кровати, подошел к столешнице, залпом выпил уже многократно успевший остыть чай и пошел к входной двери одеваться. Она лишь молча за всем наблюдала, после подойдя ко мне, чтобы проводить, сказать растерянное и смущенное «Пока», напоследок неловко обнять и закрыть за мной дверь.

Я медленно спускался по лестнице и вывалился на улицу, неспешно направляясь в сторону бара. В его помещении меня поджидали только бармен и тот лаборант, остальных гостей в нем не было. Я сидел, раскинувшись на стуле, неторопливо потягивал невкусное теплое вино и выбирал музыку – остановился я на альбоме «Black Celebration» группы Depeche Mode. У меня не было желания ни о чем говорить, тем более рассказывать о событиях последних нескольких часов. У моего нудящего собеседника планов на этот вечер тоже не было, так что мы договорились опустошить оставшуюся бутылку вина и разъехаться по домам. Так бы мы и провели этот вечер, вяло выпивая и слушая любимую музыку, если бы бар не стал заполняться все новыми посетителями, многие из которых были моими давними знакомыми, практически всех из которых объединяло одно – они были студентами моей мамы, преподающей видеосъемку. Я снимался в их фильмах, записанных на телефон, проводил лекции в кинотеатре до и после показа кино или частенько выступал моделью для их авторских съемок. Я не был знаком со всей этой творческой компанией, но мы часто выпивали на разных выставках или показах, а мое участие во всяческих экзаменационных работах, по их мнению, давало им дополнительные баллы – разве могло быть иначе, если на экране фигурирует единственный сын одного из членов комиссии? На самом деле это было не так, и когда моя мама делилась со мной отзывом о режиссерских потугах кого-нибудь из своих студентов, она могла неплохо оценить и мои потуги – правда, актерские, но вместе с тем добавляла, что моя сутулость на экране выглядит еще хуже, чем в жизни.

Так, для большинства я все равно оказывался тем самым любимым сынишкой одного из их преподавателей, и это назойливое наследие не смогло меня избежать в текущий вечер: в зал зашли две девушки, одну из которых я знал и которая как раз была студенткой мамы. Вместе с ней зашла и ее подруга, которой меня представили именно как сына одного из преподавателей: «Ого, тот самый! Теперь особенно приятно познакомиться!». От наплыва знакомый мой план о всего одной бутылке вина сменил свой вектор: теперь скорее каждая новая бутылка должна была быть мной опустошена за столом с конкретной компанией. Так я отпустил домой своего приятеля, явно успевшего утомиться от моих постоянных знакомств, и я остался полностью предоставлен сам себе.

Сам по себе я достаточно смел, чтобы быть тем, кем пожелаю, а в тот момент я был вдобавок и достаточно пьян, чтобы вести себя свободно и игриво, будто специально окружая себя сплошь будущими бесталанными режиссерами и фотографами, для которых мог примерить любую из ролей. Вот только свою роль я выбрал уже давно – как никак я был грязью. Текущий

вечер были способны омрачить только перекуры, если я вспоминал дневные события. Обилие безбрежного веселья больше смахивало на безвкусное плутовство. С собой я был честен, и в этом пограничном состоянии между беззаботностью и звенящей тоской понимал, что мне нужно стереть из памяти тот фрагмент с моими всхлипами и не случившимся сексом.

Блуждая от столика к столику я подсел к еще одной кудлатой студентке: мы уже успели поцеловаться с ней несколько раз за вечер, в том числе и позируя за этим делом на старую мыльницу одной из ее подруг. На этом аппарате была запечатлена вся хроника ее пребывания здесь: на одной фотографии она целовалась с какой-то девушкой, на другой – со случайным парнем, а по оттенкам вина, лоснящимся в ее бокалах, я догадался, что выпила она уже достаточно. Такая ее активность не была удивительна, и в ее облике угадывался мой любимый из тогдашних образов – «богема»: черные волнистые локоны волос, свисающие до плеч; яркая красная помада, подчеркивающая и без того большие, сырые губы, ярко контрастировала с ее одеждой, сливающейся в один черный тон: тонкие руки были спрятаны за вельветовым пиджаком, а ее объемные ноги были обтянуты в узорчатые колготки, уходящие в юбку.

Ранее я уже успел обмолвиться, что сегодня я полностью отвечаю за музыку в данном заведении – мне было приятно хвастаться, что пульт от телевизора я спрятал в кармане брюк, так что всем гостям текущего вечера приходилось без конца слушать одни и те же песни Depeche Mode. Ни от одного человека никаких претензий касательно выбора музыки я не получал, ни от одного, кроме нее: «А слабо поставить наконец что-нибудь кроме твоей устаревшей попсы? Я сейчас сойду от нее с ума и сбегу курить на улицу».

«Пойдем тогда вместе» – решил прервать я ее чахлое раздражение – «Если поделишься сигаретой, то я включу что-нибудь другое».

«У меня осталась последняя» – предупредила она.

«Тогда что-нибудь придумаем» – ответил я, уже догадываясь, что именно.

От количества людей место нашего знакомства успело переполниться терпким, душащим дымом, стелящимся на потолок, так что, выскочив на улицу, мы наконец-то ощутили свежесть. Предварительно она набросила на свои плечи пальто, тогда как я защитил себя от холода все тем же расстегнутым пуховиком. Прежде, чем выбрать наиболее тихое место для курения, мы обошли все здание. Она с трудом переставляла ноги, избегая бесконечных луж, поджидающих нас на каждом углу. Единственное место в округе, где они отсутствовали, располагалось с задней стороны дома. Вдоль стены шел забор, и расстояние между ними составляло чуть более метра. Окна здания находились довольно высоко, так что жильцы нас заметить бы не смогли, а прямого прохода к нам ни с одной из сторон не было. Здесь мы и остановились.

Она встала напротив меня, упершись спиной о стену и слегка согнув ноги в коленях, предварительно широко их расставив, пошарила в карманах и достала из них зажигалку вместе со смятой пачкой тонких «Винстон». Нахмурившись, она подожгла последнюю сигарету, отбросив пачку на асфальт, спрятала зажигалку обратно в карман и, после первой затяжки, откинула голову назад, расслабленно вытянув руки вдоль тела. Я подошел к ней вплотную и провел невидимую траекторию от фильтра сигареты, вращающейся у нее в пальцах, до ее губ. Она это заметила и наконец протянула сигарету к моему рту – я немного наклонился, затянувшись, после чего вырвал окурок из ее рук, выбросил в сторону, прижал ее к стене и стал целовать.

Свои ладони она пристроила к моему лицу, будто стараясь наощупь сохранить каждую его деталь: края скул, легкая щетина у подбородка или мои волосы, в которые она запускала свои пальцы, затем ими же гладила мою шею и ключицы, а после возвращалась обратно. Я же не отслонял свою правую руку от стены, держа эту богему в плену выдуманной мной же власти, тогда как левой гладил ее талию. Она успела взять меня за спину и прижать мое тело к себе: моя физиономия ей явно уже наскучила, так что теперь ее руки струились по всему моему телу, пока не остановились в области паха: все время поцелуев она старалась как бы случайно упираться в него своими ногами или лобком, проверяя мою реакцию. Не отрывая от моего лица своих губ и не разобравшись с ремнем и ширинкой брюк, она протянула руку через туго затянутый пояс, нащупала мой член, дотянувшись до него белыми, острыми пальцами, и стала его поглаживать – было заметно, как ей неудобно всем этим заниматься, так что никаких других действий она совершить не могла. Мне были приятны ее старания, но второй раз за день от одних и тех же, в общем-то, действий, я чувствовал себя скорее скованно и неловко.

Я понимал, что все это надо как-то прекращать, и мои часы дали мне подсказку – они вновь прозвенели. Ровно полночь. Восьмое марта. Впервые за последние несколько минут я отслонил свои губы от нее, посмотрел ей в глаза исподлобья и с улыбчивым шепотом произнес: «С праздником, милая». Вытащив ее кисть из моих брюк, я взял ее обеими руками за запястья, прислонив их к стене и целуя все ее тело, начиная со лба и медленно спускаясь все ниже.

Так я присел на корточки, обхватил ее стройные бедра своими ладонями и прислонил свой лоб к ее паху, не прекращая целовать. Я занял не лучшее положение, и вся созданная мной конструкция начала рушиться, ведь удержать себя сидя на носочках у меня не получилось, так что я рухнул на колени, сделав, впрочем, вид, что так и задумано, что это всего лишь еще одно проявление моей страсти, но никак не типичной для меня пьяной неуклюжести. Какое-то время я вращал свой лоб вокруг ее паха, после начав скользить вниз, к краям юбки. Она волнительно посмотрела на меня свысока, после чего уже через секунду я полностью спрятал свою голову под шершавую юбку.

Мои руки все еще находились у бедер, и им пришлось соскользнуть вниз, нащупать края колготок под юбкой, спустить их до колен и вернуться назад, чтобы провернуть тоже самое с ее трусиками. Так, я оттягивал резинку юбки от ее тела и проводил своим языком линию, к которой она прилегала. Аккуратно гладя изгибы бедер, целуя и облизывая ее ноги, от колен до промежности, я невесомо выдыхал на нее свой воздух изо рта, который начинал ее обжигать.

Остановившись возле лобка, губами я спустился ниже и стал облизывать ее губы. Все это время она держала мою голову, расправив свои пальцы по всему моему затылку и прижимая меня ближе к себе. Ни следа от аромата сладкой душистой истомы этой полуобнаженной богемы, что затлелся на ее шее, меж ее маленьких грудей или на растертых запястьях – только вязкость тающей девушки, тающей, как медленно растекавшийся к нашим ногам снег, прильнувший к моим коленям и ее высокой подошве увесистых ботинок.

Я поднялся к ее клитору, вращая вокруг него языком и пристроив внутри нее свои пальцы. Ее тело начинало дрожать все сильнее, так что в какой-то момент мои пальцы неумело выскочили из нее. Держа свои эмоции на лице в рамках сурового безразличия, я вставил свои пальцы обратно в нее и продолжить работать языком. Она оттягивала мои волосы, будто стараясь их вырвать, а тихие всхлипы сменились теперь на один, самый резвый и живой, последний. Я отнял свои губы от клитора и вернулся к ее нижним губам, чувствуя на них что-то кислое.

Еще несколько раз проведя языком вдоль ее длинных губ, не упуская ни одной капли выделений, я достал голову из-под юбки, снова сел на корточки, сложив локти на колени и, сведя свои кисти, стал довольно на нее таращиться. Она молча старалась отдышаться, так же держа затылок прямо у стены. Не нарушая молчания, она наклонилась, упершись ягодицами в стену, натянула на себя обратно спущенную мной одежду и медленно поплелась обратно в сторону бара, не сказав мне ни слова – «Princess Di is wearing a new dress». Когда она ушла за угол, я продолжил сидеть в той же позе, высовывая язык наружу, чтобы проглотить обрушающийся на него снег, протянул руку в сторону маленькой, обжигающей кучки снега и протер в нем свои пальцы.

Поднявшись, у меня слегка закружилась голова. Я оттряхнул свои простертые мокрые колени и уставился на брошенный мной ранее окурок. Было видно, что последний дым истлел из него совсем недавно, вместе с моей относительной невинностью.

Теперь уже я сам прислонился затылком к стене и разглядывал ночное небо. Создавалось ощущение, что хлипкие звезды вбиты в него проржавевшими гвоздями и вот-вот рухнут. Эту иллюзию поддерживал без конца опадающий снег, полностью облепивший мои волосы. Я стоял, смирившись с нынешним одиночеством, не первым за этот вечер и уж тем более за последнее время. Но никакой тревоги по этому поводу я не испытывал: последние пару месяцев, еще даже до расставания с А. я называл себя «грязью», но до этого самого момента лукавил, не зная, в чем именно она, грязь эта, вообще заключается. Прошедшим днем я старался быть искренним и милым, но разве это нужно было той девушке? Или может в этом нуждалась та, которая только что от меня сбежала?

В тот самый момент мне стало понятно, что я не просто одинок, я как бы ничей: муж, парень, стоящий друг или достойный любовник. Я предоставлен сам себе и никого, кому бы я по-настоящему мог доверить свои чувства попросту нет. Так отчего я должен принимать их от кого бы то ни было?

В тот самый момент я собой очень гордился. Уверен, А. мной бы тоже гордилась: первая стоящая история для ее книги у нее есть.

Глава третья.
Белый Лаки Страйк. «Манчестер-вебкам».

Принято считать, что родителей не выбирают, но мой опыт говорит об обратном. Выбор всей мужской линии в моей семье был обусловлен маминими предпочтениями, которые в ее юношестве пусть и были весьма сомнительными, учитывая, что во мне течет кровь блудливого мажорного чеченца, бросившего нас еще до моего рождения, но в конечном итоге подарили мне лучшего в мире отчима – пусть я никогда не называл его «папой», родственная связь с ним мне очевидна. Это по-своему шок, приходить в шестилетнем возрасте к его родителям и понимать, что перед тобой – твои новые бабушка и дедушка, на которых ты обязан произвести впечатление. Уже тогда я старался делать это своей любознательностью и вежливостью, после чего, прощаясь, податливо у них спросил: «А я вам хоть немножко понравился?». В ответ я получил растроганное лицо моей новой бабушки и встречный вопрос: «Милый, ты еще спрашиваешь?».

Так вот в детстве мы с мамой часто путешествовали по съемным тесным квартиркам. Она старалась найти хоть сколько-нибудь приличную работу, закрепиться в небольшом провинциальном городе и забрать меня из деревни от бабушки, где она провела почти все свое детство. Мне же еще с раннего возраста были понятны все боли разлук и масштабы расстояний, которые увеличивались с каждым годом: однажды, когда мне было около четырех лет, мы с ней не виделись практически круглый год – из-за работы она могла навещать меня всего раз в несколько месяцев, так что видя, как по рельсам надвигается поезд, в который она вот-вот заскочит, я прижимался к ней всем своим крохотным телом и рвал связки до потери голоса, умоляя ее никуда не уезжать.

Сейчас мне девятнадцать, и я еду в электричке «Барнаул – Новосибирск» на музыкальный концерт. Передо мной сидит мой приятель, до которого мне, в общем, никогда не было никакого дела, в том числе и сейчас – удобный компаньон, способный забронировать нам дешевую комнатушку на одну ночь, угостить меня пивом или обеспечить теплой одеждой: несмотря на вторую неделю июня, все утро шел дождь, сопряженный сбивающим с ног ледяным ветром. Такое отношение к дружбе, как и к любым другим отношениям, во многом сформировалось после ночи с химерой, обнаженной ниже пояса – о тех событиях я мог упомянуть разве что вскользь, сохраняя все откровения моих осознаний на кончике языка.

Погода соответствовала дрожащему пейзажу за окном, что менялся каждую новую секунду: вот полупустые станции, вот нескончаемые лесополосы, а вот бескрайние, захудалые поля, вдали которых виднелись одинокие мрачные дома. Благодаря всем этим картинам мне стало вспоминаться детство – мама всегда садила меня у окна городских автобусов или поездов, поддерживая мою невинную пытливость к окружающему миру. Позже это стало привычкой.

В сумке моей припрятан всякого рода хлам: раскладной нож, перцовка, штопор, полная пачка белых «Лаки Страйк», книга «Фрагменты речи влюбленного» Ролана Барта, заброшенная мной на сороковой странице и хранящая в себе фотографии разных актеров и музыкантов – по приезду в город я решил расклеить их на случайной стене, объединив все эти карточки цитатой из какой-нибудь песни. Вариантов для красивой фразы было немного, но я старался найти нужные слова, слушая альбом группы Joy Division «Unknown Pleasures». Я пролистывал песни, ища в них подходящие строки, пока параллельно мелькающему виду за окном в моей голове проносились воспоминания. Не только из детства.

Зазвучала одна из любимых – «Love will tear us apart». Под нее я вспоминаю последний вечер: я встретился с аспиранткой в лингвистическом институте, которая была влюблена в меня, когда я встречался с А. Как и о большинстве влюбленностей в меня об этой я также догадывался, но игнорировал – еще одно общение, где можно строить дружелюбную маску и получать все, что хочешь. Интерес ко мне она потеряла сразу же, как я расстался с А., так что не общались мы с ней примерно такое же время, до того момента, пока случайно не встретились на улице и она не предложила прогуляться.

Я говорил с ней так, будто передо мной стояла А.: вот она, слушает обо всех моих приключениях, но совсем без гордости (можно подумать, А. бы ее за меня взаправду испытывала). Весь свой рассказ я заключил простой фразой, которая лишь отчаянно закрепляла за мной мутное, пошловатое бельмо – пресловутая грязь: «Я отказался от общения, от доверия. Я отказался от близости с людьми, от любой, кроме интимной. Да и разве можно назвать это интимностью, когда все, что мне нужно – нежное, хрупкое тело? Сомневаюсь».

«Так у тебя же толком после нее и не было никого» – задумчиво подметила подруга.

«Знаешь, когда мы были с А., у нас иногда заходили разговоры обо всем этом, и она не понимала, почему я готов променять ее на нечто подобное» – игнорируя ее замечания, продолжил я – «Вряд ли бы она, конечно, это поняла, как и любая другая на ее месте. Я говорил ей, что моя поэзия о любви, более того, о любви несчастной – разве могу я о подобном писать, когда сам с этим не сталкиваюсь? А. лишь сочувственно и так, знаешь, честно, как обычно она это делала, противилась подобным словам, говорила, что если мои стихи будут написаны ценой моего падения, несчастья, то она перестанет их читать. Если честно, я думаю, уже давно не читает».

«Но ведь ты сам взял на себя эту ношу, разве нет? Почему ты решил, что не ты сам определяешь то, о чем ты пишешь, а наоборот? Можно подумать, ты оказался в плену или чужой власти».

«Потому что я слабый, слабый и глупый мальчишка, не верящий в собственное счастье» – впервые за вечер ее расслышав, я отвечал на вопрос – «Потому что я не верю, что я чего-то подобного достоин. Знаешь, моя бабушка обожает припоминать мне одну и ту же историю: как-то она забирала меня с детского сада всего в слезах, а на вопрос, почему я плачу, я жаловался, что какая-то девчонка отказалась выходить за меня замуж. Представляешь, да? Я всю жизнь мечтал о тишине, о семейном благополучии, но я просто не верю, что в моей жизни это могло бы случиться. Я не верю, что хотя бы еще раз услышу «Я люблю тебя» и уж тем более не надеюсь, что скажу эти слова я. Даже если в мою жизнь вернется А., если она мне позвонит вся в слезах с мольбами дать нам еще один шанс, я откажусь. Так я сберегу ее, заодно польстив самому себе, что властью, о которой ты думаешь, надо мной никто не обладает».

«И что? Ты до старости будешь писать преисполненные тоской и нытьем стихи? Или ты хочешь стать одним из тех горемык, что только и могут проворно хвастаться о количестве женщин? Чего ты хочешь вообще?».

«Я хочу… Я очень хочу однажды ребенка, пожалуй, дочь, но я уверен, что она у меня появится от женщины, которую я любить не буду. И она меня тоже…» – играясь, я задумчиво крутил в руках пачку сигарет, не рискуя ее открыть» – «Подобная бесчувственная стабильность – все, что может меня ожидать. Видимо, свою любовь я могу подарить только людям с общей кровью» – с нервным смешком заключил я.

Весь этот монолог мелькал через проносящиеся за окном деревья, через волнистый тамбур и надпись на дверях «НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ», через воспоминания, через строки песни, и я на самом деле задумался о разных путях. Я – поэт, но ведь мои ранние стишки отличаются от того, что я пишу сейчас? Я люблю это ремесло, я люблю само искусство слова, его силу. Я готов писать дальше, ведь поэзия является отражением пережитого опыта человека, тем, что люди могут испытывать друг к другу – это и отчаяние, и тягости, и ненависти, и любови. Так отчего я не могу любить? Отчего кто-то не мог бы полюбить меня? Я мечтаю о дочери, которой мог бы отдать всю свою любовь, но ее истоки изначально идут от любви к моим родителям, и значит, она бы уже была разделена – почему бы тогда сюда и не пустить любовь к какой-нибудь девушке? Я ребенок, родившийся в акте НЕлюбви двух молодых людей, но воспитан я самой Любовью – отчего же я строю весь этот сладкозвучный, но склизкий, противный образ? Зачем я рисую себе путь своего отца, если ничего, кроме имени, мне о нем не известно? Если

моя мама, оставшаяся одна на руках с ребенком от мужчины, который ее бросил, нашла свою любовь, отчего бы и мне не поступить также?

«Why is it something so good

Just can't function no more?».

Я не хочу быть той самой «грязью». Я этого не допущу. Я буду любить. И меня будут любить. Без всяких «тоже».

«But love, love will tear us apart.

Again».

«Ничего страшного. Меня пока что не разрывала» – осознание, достойное бубни какого-нибудь Ерофеева, пусть мой маршрут был куда менее богат на передряги.

Мы вышли с вокзала и направились перекусить, после чего, блуждая по подземным станциям, переместились в хостел. Номера нам перепутали и случайно выдали тесную комнатку всего с одной небольшой кроватью, так что спали мы по очереди. Пока мой сосед сладко сопел за моей спиной, я пересматривал десятки привезенных фотографий – все их я распечатал на уже потерянной работе, когда мне было там нечем заняться; заодно и вырезал буквы из журналов, чтобы составить главную фразу сегодняшнего дня. Прошло несколько часов и наступило время идти на концерт, но в одиночку – мой товарищ подобной музыкой не интересовался, решив заменить ее живое исполнение блужданиями по городу.

Сколько бы раз я не приезжал в столицу Сибири, лучами солнца и отсутствием дождя она меня баловала крайне редко. Сегодняшний день город решил провести в типичной для наших свиданий пестрой хмурости. Так я мог позволить себе гулять или кататься в метро в одной лишь черной футболке, а слабые дуновения ветра охмуряли меня на пару с предвкушением концерта. Правило наблюдения за городом из окна, воспитанное во мне мамой, не изменяло себе даже когда я сидел в желтоватых вагонах – темный фон за панорамой сменял мимолетный вид с моста, когда поезд проносился от одного берега города к другому. Подобная живость вперемешку с ленивым покачиванием вагонов меня всегда завораживала.

Новосибирск – город контрастов, напоминающий поле испытания какой-нибудь боеголовки, но вместо осколков всю его площадь заполонили здания из абсолютно разных стилей и эпох. Одни и те же улицы могут как кичиться своей красотой, так и олицетворять настоящий инфраструктурный ад, запутанный лабиринт, где в шаге от новомодного района кроется чахлый сектор. Кроме непостоянного раздражения мне нравится подобная разносторонность, из-за которой каждый выход на его улицы становится настоящим приключением.

Эти же слова нельзя было отнести к ожиданию в здоровой толпящейся очереди в зал. Смогло его скрасить курение на улице с солистом – ему холод тоже оказался по душе, и он мог позволить себе угоститься моими сигаретами. Заодно в той же очереди я познакомился с очаровательной рыженькой девушкой с нелепой челкой и глуповатыми очками: она тоже пришла одна, и я предложил ей свою компанию. Позже мы сидели вдвоем на полу, неторопливо попивая пиво и ожидая концерта.

Он начался. С моей новой подругой мы кружились вблизи сцены и подпевали всем выскакивающим с микрофона хитам. События концерта мелькали вместе с красными вспышками, исходящими от стробоскопа, но ничем особенно интересным не отличались; разнилась лишь громкость криков подпевающей толпы от песни к песне и вибрация зала, исходящая от драк или танцев.

Моя новоиспеченная подруга носилась по всему залу, пока со сцены разъяренно доносилась одна и та же цитата из песни «Банды четырех»: «ЛЮБОВЬ – ЭТО ВЛАСТЬ ОДНОГО НАД ДРУГИМ».

Даже с учетом неоднократно выпитого алкоголя и всех сумасбродных происшествий последних нескольких часов, мне показались эти слова дуростью. Подобное определение куда как сильнее подошло бы для другого чувства – влюбленности. Влюбленность – грань между тем, каким человек представляется другому и тем, кем он является на самом деле. Это зависимость, точка пересечения ожиданий и реальности, настоящая власть, ведь объект вожделения может запросто манипулировать им, как только захочет – у него есть выбор: быть собой для себя и для влюбленного, или быть только тем, каким его желают узреть.

Это жуткая яма, где есть только один шанс на спасение, складный компромисс, чем и является, по сути, любовь: принятие того, каким человек является на самом деле, вне зависимости от изначальных ожиданий.

Вдруг я осознал, что одно вытекает из другого, в точности так же, как после заката наступает рассвет. Только в этом случае каждый сам волен решать, открывать ему глаза или нет, чтобы его увидеть. А ведь он так красив. Я выслушивал эти слова уже как «новый» человек, готовый перенять на себя чудное право любить. Пусть даже эта любовь разорвала бы меня на части.

Концерт окончился. По счастливому стечению обстоятельств вышло так, что все мои знакомые, с которыми я ранее ехал в электричке и во главе с моей новой подругой, собрались в одну толпу. В нее же вошло и еще несколько незнакомых лиц, до которых мне не было никакого дела, ведь я старался связаться со своим приятелем: точный адрес вместе с ключами от хостела находились только у него. Мы договорились, что в течение получаса он ко мне подъедет и мы вместе отправимся в гостиницу.

Следуя за толпой, я спустился в маленький бар, взял стакан воды и уместился за тесный столик. Большее уныние, чем его внешний вид, включающий разбитую кафельную плитку и криво висящие постеры фильмов на кирпичной стене, на меня наводила компания всех этих незнакомцев. Неоднократно предпринимая попытку зацепиться за их слова в бестолковом потоке речи, прерываемом нескончаемыми глотками пива, я уже думал было сдаться, когда мне стали доказывать, что Тарантино или Финчер «на самом деле снимают артхаусное кино». Я вспомнил про фотографии, которые хотел расклеить по какой-нибудь стене и решил, что этим как раз можно заняться, ожидая моего товарища. Так я стал шмонать свою сумку, выкладывая распечатки на стол и невольно привлекая этим к себе внимание. Рассказывая, что я, «местный сибирский поэт», приехал сюда всего на одну ночь на концерт, я стал раздавать те самые открытки со своими стихами. Единственную живость этих людей я почуял, когда они, чрезвычайно умиляясь, стали разглядывать подаренные им карточки: «А можешь оставить мне

на ней свою роспись? Вдруг ты когда-нибудь станешь известным поэтом» – меня все это трогательно забавляло.

«Кажется, ты там еще какие-то фотографии припрятал?» – вдобавок заметила другая, очаровательная, полногрудая, будто с лисьими чертами девушка. Она успела неоднократно потеряться среди всех этих людей, и я был уверен, что я ей страшно надоел, когда несколько раз к ряду просил встать из-за столика, чтобы выпустить меня – связь в баре отсутствовала полностью, так что мне приходилось выходить на улицу, чтобы звонить своему другу и умолять спасти меня отсюда как можно скорее.

«Да, много разных. Я такие как-то давно печатал на работе, уже бывшей, а сейчас расклеиваю по разным стенам. Что-то вроде коллажа получается» – будто ребенок показывает свою поделку, смущенно хвастался я.

«А эти решил где прикрепить?».

«Пока еще не решил. Где угодно, в общем-то, главное, чтобы людей было поменьше». Она покорила меня своим обаянием, нежно уточнив «Можно?». Я протянул к ней все имевшиеся изображения, и она начала жадно перелистывать их одно за другим.

«Я бы хотела заняться чем-то подобным» – рассмотрев последнее фото, заключила она, отдав мне стопку обратно в руки.

«Можем выйти и заняться этим прямо сейчас».

Я забрал свою сумку и решил ни с кем не прощаться, хотя в тайне надеялся, что этих людей больше не увижу. Мы поднялись по узкой лестнице и вышли в пустой двор. Никого. Несколько минут мы брели по разным закоулкам, пока не остановились у задней стены случайной пятиэтажки. Это было одно из немногих мест, удовлетворяющих критерии создания настенного коллажа, однако оно имело один значительный недостаток: полное неимение хоть какого-то света. Ни фонарных огней, ни сияния тусклых лампочек из окон – ничего. Из-за этого ей пришлось включить на телефоне фонарик, подсвечивая стену, пока я откреплял от фотографий скотч и выбирал место, куда бы ее прикрепить. Параллельно я переключал песни, что мы вместе слушали на концерте, тогда даже не зная о существовании друг друга. Периодически мы менялись местами, но ключевым событием оказалось то, что вырезанные мной ранее из журналов буквы мы вместе сгруппировали в объемную надпись «LOWE WILL TEAR US APART», прямо над портретом трясущегося Йена Кертиса. Приклеив последнюю букву, я включил именно эту песню. Мы стояли, вместе прислонясь спинами к стене и, не успев открыть свой рот, чтобы начать нести сентиментальную ахинею, она резко подорвалась и поцеловала меня.

Я держал ее в своих объятиях, растекаясь в движениях губ по ее шее, затем поднимал лицо, демонстрируя рассеянный, уставший взгляд вместе с самодовольной ухмылкой, и зачем-то начинал говорить. Я привык относиться к счастью, как к угасающим спичкам, тлеющим сигаретам (может, поэтому я к ним неравнодушен?) – буквально видеть, сколько времени осталось перед расставанием со всякими радостями. Ночь всегда сменяет день, застилая своим сумрачным плащом любое из прожитых удовольствий, в чем угадывается некий фатализм на чаше весов моей жизни – либо продлить эту ночь, насколько это возможно, либо слепо верить в

то, что дальше будет только слаще. «Ночью мысли яснее, а сигареты вкуснее» – давняя истина, но теперь уж безмолвная.

Я выбрал первый вариант, все еще целуя эту девушку, запуская пальцы в ее пышные рыжеватые волосы, как бы между приговаривая: «Не хочу, не хочу, не хочу, чтобы это кончалось», на что в ответ она так же повторяла одно и то же: «И я…И я…».

«Но ведь это не последнее наше свидание?» – обнадеживающе поинтересовался я.

«На какое-то время точно» – расстроенно ответив, она потянулась к сжатой в моей руке пачке белых «Лаки Страйк» – «Завтра мне на работу».

«Где работаешь?» – решив быстро сменить тему отчаяния на что-нибудь иное, спросил я.

«Блять…» – выдержав паузу между словами и выдыхаемыми из носа клыками дыма, она хладнокровно поправила свои волосы и продолжила – «Вебкам».

«Нравится?» – избегая осуждающей интонации спросил я.

«Нет. Не нравится».

«Почему?».

«Потому что это похоже на изнасилование… Может, не настолько отвратительно, но представь, что с тобой происходят разные ужасные вещи, что тебя окунают в чан с грязью, а тебе приходится улыбаться или строить из себя вечно постанывающую прислугу. Я довольна тем, сколько я зарабатываю, кстати, английский смогла неплохо подучить… Но, если бы мои родители были живы, если бы мне было где жить… а так изо дня в день я выполняю прихоти извращенных стариков, мерзких толстяков, я много чего для них делала. И уж лучше бы просто раздевалась. Можешь представить, насколько это противно, видеть на их безымянных пальцах обручальные кольца?».

Все эти откровения, в ходе которых выяснилось, что местная Сонечка Мармеладова тоже учится на курсе филологии и мы даже могли учиться в одном университете, сменились играющей музыкой – песней «Policy of Truth» излюбленных мной Depeche Mode.

«Черт, да! Обожаю эту песню» – сказала она еще до того, как я успел признаться в том, насколько ей дорожу.

«Нет, я тебя обожаю! Где ты была раньше?» – не сумев скрыть восторг, заявил я.

«Стримила для этой встречи» – отшутилась она. Здесь я заметил, что все детали ее рассказа знакомы мне ровно настолько, насколько это вообще возможно – «Выходит, я отчасти та самая грязь, в которую тебя, как ты говоришь, окунают. Точнее, был ей до сегодняшнего утра. Словно именно твой лик я представлял сегодня, думая обо всем этом».

«Hide what you have to hide

And tell what you have to tell».

«Мило, что я хоть что-то смогла тебе показать. Ты сразу оказался интересен со своими стихами, с этими фотографиями… Но почему ты говоришь, что ты грязь?».

«Потому что сначала огласил себя ею, чтобы быть свободным в свершении глупостей, а потом наделал их слишком много. Я сам себе всегда казался несчастным юношей, с маской поверх лица, способной эту печаль утаить. Я всегда считал, что любовь обязательно несет на себе бремя тоски. И мне всегда хотелось это испытать, по-настоящему. Отчасти поэтому меня не пугает твой рассказ… Знаешь, я всегда мечтал влюбиться в проститутку или типа того, хотя ты конечно не…».

«И что, влюбился уже?» – разразившись смехом, уточнила она, прервав мои объяснения.

«Сейчас узнаю» – прошептал я, подтянув к себе ее голову и поцеловав.

«Never again

Is what you swore

The time before».

Она начала замерзать. Я прижался к ней всем телом и стал растирать ладонями ее открытую спину, гладя каждый из позвонков и невинно сокрушая пальцы в лямках зеленоватой майки. Самая осязаемая радость этого вечера подходила к концу, а вместе с врывающимся переживанием о неизбежности разлуки без конца вибрировал мой телефон от звонков уже давно успевшего подоспеть к назначенному месту приятеля.

Мы простились у входа в бар. Я провожал ее медленный уходящий шаг, пока напоследок, уже приоткрыв дверь и будучи готовой в нее войти, она ласково обернулась в мою сторону, прижав худое плечо к своему подбородку и глядя на меня в последний раз. Дверь захлопнулась, а вместе с ней окончательно выгорел последний миг глухого счастья.

Следующим днем мы ненадолго созвонились и я пообещал ей, что следующее стихотворение, которое она прочтет, опишет наш с ней вечер. Так и случилось:

«Прошу, в холодный вечер укрой мои плечи,

успокой мои молочные слезы и объясни,

зачем мне свет из дальнего окна или даже неба,

если я вижу звезды просто смотря в твои глаза?

Я соберу тебя осколками страниц сотен журналов,

всеми книгами о любви признаюсь в чувствах.

Ты видишь мои мысли насквозь и, кажется,

ты прочитаешь их даже в тусклости ночи.

Целуя тебя я бы задохнулся от нежности,

спрятал бы своими руками от холода.

Я рассмеюсь в лицо этим бесконечным звездам,

да все что угодно, лишь бы не расставаться надолго.

Письма так романтичны и старомодны,

где-то на кровавой стене осталась дата нашей первой ночи.

Я вырежу твое имя на своем сердце,

не разбить и не смыть – и мне уже не больно».

Последние часы нахождения в городе я не выпускал ее из своих мыслей: ждал от нее сообщений, звонка, радостного облегчения, что сегодня ей попалось не так много извращенцев. Я представлял ее обнаженной, обращаясь к разгоряченным касаниям о ее плечи или наши поцелуи, стоя под ледяными потоками воды в гостиничном душе, мысленно отгоняя от нее любого из тех ублюдков, что прямо сейчас могли заставить ее раздеться.

Это было типичным скованным проявлением моей любви – старомодное желание вызволить возлюбленную из лап грубостей, из пасти окружающей жестокости. Какое-то время я наивно полагал, что она сможет сбежать со своей поганой работы и быть со мной, но это было слишком глупо, да и не так важно. Смысл нашей единичной, по итогу, встречи, не в моих страданиях по ней, девушке, которую я знал всего около получаса – он заключался в доказательстве: я могу любить, влюбляться, могу испытывать всю палитру нежностей по отношению к кому-либо. Пусть и за счет музыки. А она была первой, кто мне это показал.

Тогда я еще и подумать не мог, что совсем скоро мне предстоит отстоять все эти мысли и что в грядущем противостоянии я заведомо проиграю. Но в тот миг это было не важно.

Я возвращался домой в электричке под тугой, но не лишенный нежности скрежет колес. Светило яркое, испепеляющее солнце. В моих глазах блестели края Обского моря, зеленые деревья набрасывали на меня свою тень. Я был готов к тому, что любовь меня разорвет. Я этого хотел.

Глава четвертая.
Чапман ваниль. «Заложник».

Самая впечатляющая, важная, но вместе с тем и вредная, пакостная, душераздирающая вещь для поэта – память. Идеальный жертвенник, которого люди пытаются закопать, взорвать, вырезать ножом хотя бы кусочек событий, но все это тщетно до тех пор, пока попросту не наскучит: каждый раз добавляется новая деталь, новое орудие пыток и выходит так, что издевается человек уже сам над собой. Память – это канат, натянутый над печалью и вечностью, а на нем стоит человек и падает в эту чудовищную пропасть. Кто-то держит это равновесие, кто-то рвет веревку и делает из нее петлю, а лично я срываюсь в одни и те же пропасти, постоянно находясь в свободном падении.

Если вы поэт, то память может представать для вас некоторым лекарством, которое залечивает головные боли или раны на коже, но нет, на самом деле это ампула с ядом: обращаешься к ней, яростно бьешь по клавишам великую поэму и кажется, вот-вот поправишься. Нет, нет… И даже если выстрадать каждое написанное слово, если забыть о событии хотя бы ненадолго, если даже расстаться с ним навсегда, память никуда не исчезнет и будет увековечена стихотворением или прозой.

Самым верным выходом здесь, на мой взгляд, является только одно: лечь на этот канат и попытаться уснуть. Так, вы даже не заметите потерю равновесия, только постарайтесь избегать кошмарных снов. В моменты, когда вы не контролируете сознание, память решает вас атаковать в момент расточаемой уязвимости. И это момент сна.

Множество раз мне снилась Л., и каждый раз этот сон на деле оказывался кошмаром, но слишком пленительным и манящим, чтобы проснуться и выпустить изо рта шалый крик. Таковым он всегда казался мне по одной лишь причине: сон – единственное пространство, в котором я мог ее видеть воочию и ничем не рисковать. Только лишь во сне она могла быть нежна и учтива, тогда как в памяти сохранились совсем иные ее качества. По правде говоря, я сомневаюсь, что реальность могла бы запечатлеть их именно в отношениях Л. со мной. В случае с ней память хранит недопонимание между нами, в то время как сны архивируют издевательство.

Л. была частой свидетельницей моих снов, их жухлой доминатрикс. Иногда она являлась мне обнаженной, но никак не чарующей – ее трахал сзади какой-то мужчина, каждым толчком будто ее изувечивая – мне же оставалось беспомощно за всем этим наблюдать. Периодически ее любовник отрывал свой млеющий, горящий взгляд с ее тонкого, потного тела на меня, постоянно приговаривая: «С ней только так». Для меня есть что-то приятное в том, что сны с ее присутствием на деле не всегда оказываются так отвратительны. Отвратительно лишь то, что если этот сон оказывался сладок, то он не сопрягался с реальностью, уносился крайне далеко от того, что происходило между нами на самом деле. А еще сны имеют свойство обрываться на самом желанном, интригующем моменте, после чего происходит пробуждение и за работу тут же принимается злосчастная память.

И вот я нахожусь где-то между двух пространств, будто я не человек, стоящий на том самом канате, а я сам и есть этот канат, хотя на деле я смутно кренился напротив входа в квартиру Л., долго и сосредоточенно рассматривая дверную ручку. Биение сердца чувствовалось сквозь сон, я глядел на дверь ее квартиры и боялся ее открыть, будучи не до конца уверенным, что являюсь приглашенным гостем. Долго ждать не пришлось. Видимо, она успела под-

глядеть за мной сквозь дверной глазок, увидеть мое волнение и застать меня врасплох, распахнув дверь самостоятельно и сразу пойдя ко мне навстречу; за ней стали ломиться в один крохотный проход разные мужчины, заложники с размазанными лицами, не имеющими каких-либо черт; они сыпались из ее квартиры будто драже из металлической упаковки, ускакивая в самые разные стороны так, как это делают пассажиры заполненных вагонов метро в час пик. Да, довольно уместное сравнение, учитывая количество гостей и, в частности, мужчин, успевших у нее побывать, что делает спальню Л. если не проходным двором, то уж точно станцией метро в самое загруженное время дня.

Исполины эти разбредались по сторонам так, словно были не просто ее любовниками, но пленниками, которых она долгое время держала взаперти и выпустила лишь ради одного нового – меня. Невиданной красоты щедрость.

И вот Л. выходит ко мне. Ее ключицы украшает небольшой округлый серебряный кулон, ее тонкое, белоснежное летнее платье слегка развевается по сторонам от каждого шага, который украшают розовые длинные конверсы. Она наконец вплывет в заранее приготовленные для нее объятия. На место паники пришел страх коснуться ее вновь.

Зайдя в квартиру, мы игнорируем длинный коридор, ведущий к ванне и кухне, ее плохо освещенную комнату и сразу поворачиваемся налево, располагаясь в спальне ее матери. Иллюзии, в отличие от Л., начинают со мной заигрывать, ведь перед моими глазами оказываются все те же знакомые картины: белые смятые простыни, украшенные недочитанными книгами, пара маленьких столиков, на одном из которых всегда располагался ноутбук, с которого Л. слушала музыку, огромное зеркало в пол, делящее место с ее узорчатым ковром и впечатляющих размеров шкаф со скромными книжными полками, с одной из которых я всегда брал русских классиков для чтения вслух. Единственной деталью, способной сообщить о ее возможном волнении было время на часах – «7:43» – множество раз Л. рассказывала, что именно это сочетание цифр, иногда переводимое в дату, ознаменовало собой ее страх или тревогу перед сокрушающейся неизбежностью какого-то ужаса.

Самым же важным в этой комнате оказалась сама Л. – я сказал ей несколько наблюдений на счет книг, разбросанных по комнате, тогда как в ответ она вытянула мою руку и, держа мои пальцы, опустила на нее свою голову. Я не успел запомнить ее ответ на мои замечания, только лишь ее чуточку безумный взгляд, в центре которого располагались прелестные изумрудные глаза, недлинные, светлые завитые волосы, свисающие с моей руки и ее широкую улыбку, вслед за которой практически всегда шел слегка нервный хохот.

И я просыпаюсь. Просыпаюсь в поту, подскочив с постели, стараясь отдышаться. Растирая веки у меня возникает ощущение, будто она настоящая сейчас где-то сидит и знает, что она мне снилась, будто она специально подослала ко мне свою чуткую, оторванную от реальности копию, чтобы я не мог провести спокойное путешествие во сне.

Я хорошо запомнил этот сон, впрочем, как и все остальные вторжения Л. на сгнившие поляны моих обыденных дней. Если в моем сне она решила пощадить своих любовников и выпустить их на волю, просто открыв входную дверь своей квартиры, то я остался там до сих пор. И прямо сейчас передо мной предстает момент, когда я стал этим заложником в первый раз.

Я встретил Л. за год до того, как мы обменялись первыми словами, и вообще виделись довольно часто на залитых весенним солнцем улицах спальных районов. Я наблюдал ее походы в магазин или то, как она неловко училась кататься на скейтборде, периодически бросая в мою сторону свой взгляд и медленный кивок головой. Следующим летом мы впервые списались, завороженно обсуждая литературу и то, что нам необходимо с ней увидеться вживую. Местом встречи был назначен круглосуточный магазин, находящийся неподалеку от ее дома. Я сидел на лавочке, курил розовый «Вог», слушал музыку и делал вид, что читаю книгу, хотя на самом деле мне просто хотелось выглядеть важным и сосредоточенным, ведь я уже подкараулил Л. издалека. Она встретила меня в пока что еще не розовых кедах, черных брюках, темном свитере и бежевом плаще. Мне казалось, что я впечатляю ее своими рассказами о том, как Достоевский с помощью своей жены издал «Игрока» или тем, как я не стеснялся признаваться в ненависти к феномену Кинга или Паланика. Первый свод интимности был увековечен ее предвкушающим взглядом, когда я достал буквы и фотографии для коллажа, которым впоследствии мы украсили стены полузаброшенной хрущевки. Мы уселись на влажную после недавно плачущего неба траву, зажгли сигареты и тихо курили, слушая музыку. Поглаживая свои ноги, Л. чуть качала головой из стороны в сторону, касаясь своими локонами моего плеча, но не рискуя упасть на него щекой. Да, это было очень интимно.

Проводил ее до дома я уже в ночь, ожидая от нее сообщений, придя домой: их не последовало. Мое ожидание, а вместе с этим и вялая обеспокоенность по поводу дальнейших наших встреч прервались спустя примерно неделю: Л. предложила запастись несколькими бутылками вина и засесть у нее. Взяв все необходимое и придя к ней домой, Л. решила не утруждать себя экскурсией по дому, а сразу засесть на кухне. Льющееся сначала из бутылок в бокалы, а после из них в наши глотки выпитое вино дополнялось типичными разговорами о жизни, нашем одиночестве и том, как так вышло, что она живет в такой огромной квартире совершенно одна. Отойдя к окну покурить, я взял ее за руки и пригласил на танец, при котором нам почти удалось поцеловаться, чему помешала либо стесненность, либо недостаток выпитого алкоголя, что, впрочем, в нашей ситуации было соразмерным. Июльское солнце за окном начало угасать, наши бокалы опустели уже окончательно, и мы переместились в ее комнату. Сразу в кровать.

Мы сбросили все, что могло мешать поцелуям, но в аналогичной ситуации возникли проблемы с одеждой. Л. давала снять с себя лишь верх, быстрым шепотом приговаривая, мол, «Пока рано», «Слишком, слишком рано», стоило мне потянуться к ее леопардовой юбке, в то время как я, ее же усилиями, лежал в постели и целовал ее абсолютно голый. Откинув соблазн и прикусив губу, я подчинился запрету и перестал ее целовать.

Будучи все еще полностью обнаженным и взяв Л. за руку, я стал вслух рассуждать о том, что уже подобного мне с ней достаточно. Ложью это не было: мне не просто было интересно слушать ее рассказы о поездке в Англию к матери, двухнедельной работе в Горном Алтае, обсуждать с ней искусство и жизнь, находить во всем этом общие черты с собственными интересами и прожитом опыте, нет, я сразу стал чувствовать в ней соперника, того, кто знает больше меня, кто более начитан и того, кто видел другую сторону жизни. Ту сторону, о которой я мог лишь мечтать.

И вот передо мной человек, который в подобном соперничестве совершенно не заинтересован, но ему почему-то хватает меня, самонадеянного голодранца, обыкновенного мальчишки в сравнении с ней, пусть Л. и была старше меня лишь на полгода. К тому же она дает себя поцеловать, что в любом соперничестве или спорте принято считать ничьей. Напоследок поцеловав меня в губы и мило распрощавшись, мы пообещали в скором времени договориться

о встрече – она настала на следующий день. Точно так же немного выпив, мы снова переместились в ее комнату, и я снова попробовал ее раздеть, чему на этот раз она уже никак не сопротивлялась. Видимо, спустя день «слишком, слишком рано» уже не было.

Наш первый секс прошел на краю ее забитой шмотками и постельным бельем кровати, под песню «School» группы Nirvana. В этот момент для меня полностью перестало иметь значение выдуманное мной же взаимное соперничество. Для меня были важны только она сама, ее голое тело, музыка, не способная перекрыть издаваемые нами звуки и ответ на вопрос, почему мы не переспали днем раньше: она в кровь разрезала ноги пластиковой бритвой в мнимом припадке истерики.

«Won't you believe it, it's just my luck».

После окончания она быстро оделась и пошла курить на кухню, оставив меня, обнаженного и обескураженного, но ужасно довольного собой в полном одиночестве. Одевшись и сбросив с себя несколько кусочков ее засохшей с ног крови, я пошел ее навестить и, увидев, сразу же успокаивать ее, мою грустную Л., несколько одинокую и плачущую.

Она объясняла свои слезы переживаниями о том, что после этой ночи я ее брошу, а я утешал ее, снимая с ее милого лица грушевидные слезы и перекладывая их на свой язык: «Моя милая, в твоих слезах совсем нет горечи, одна лишь сладость». Довольно сложно сказать, насколько сильно я тогда оказался прав, однако именно так начались самые лучшие дни, проводимые нами вместе: почти всегда мы виделись поздними вечерами, уже ближе к закату, я подолгу ждал Л. у подъезда, периодически выпивая заранее купленное для нас с ней пиво, по итогу не дожидаясь, а она, в свою очередь, никогда не предлагала слишком дальние расстояния от ее дома. Находясь вдвоем мы не знали трезвости и спокойствия. Иногда я оставался у нее на ночь, но чаще всего провожал ее до подруг, у которых ночевала она. После первой ночевки к утру она отдала мне свою футболку с изображением обложки альбома «In Utero». Стараясь не разбудить ее, я ненадолго вышел в магазин, подготовил для нас завтрак, после чего мы вместе вышли из дома в сторону ее приятелей. На мне была новая подаренная футболка, солнцезащитные очки, несколько синяков на шее и царапин на спине, а также сигарета, рассекающая пополам губы: «Боже мой, Никита, вы такой гранж» – посмеиваясь, точно подметила Л.

Порой наши ежедневные прогулки могли прерываться на пару дней, но в этих перерывах я не получал ни одной внятной причины для их отсутствия. Однажды я обнаружил, что она заблокировала мой номер телефона, никак это не объяснив: «Кто тебя там обидел?» – спрашивали у меня, заметив быструю перемену моего настроения.

«Да так, знаете… та, с кем я сплю».

Думаю, что даже спустя столько времени это была бы обидная для Л. формулировка наших с ней отношений. Назойливое ощущения меня, как ближайшего любовника, она бы приняла чересчур убогим и нудным. Как и для меня, главным страхом Л. была звенящая скука, но вспоминая все, что было между нами, я могу подобрать для себя лишь одно слово – «ебырь». Я мог быть нежен и бескорыстен, влюблен, но вряд ли это имело какое-либо значение – список влюбленных в нее дураков у Л. явно был велик. Ни разу я не удостаивался хотя бы доли мелькавшего на ее лице восторга, длившегося бы больше секунды. Допустим, я был влюбленный в

Л. ее ебырь, но сразу заметно, на каком слове делается особый акцент. Все подобные обиды быстро забывались, когда мы возвращались к свиданиям. Мы всегда были только вдвоем и любое мое упоминание других женщин вызывало в ней ярость и схожую с бунинскими героинями реакцию: «Ты у меня не такая, как другие женщины, ты сама поэтесса».

«Не смей мне говорить о других женщинах!» – читал я лукаво улыбающейся Л.

Вечерами мы не слишком долго бродили по одинаковым, уже выученным мной полностью маршрутам, останавливались ради поцелуев и танцев на разбитых детских площадках, пока ее ноги, укрытые длинной, но тонкой юбкой в пол и которым и так досталось от бритвенных станков, атаковали комары. Мы качались на качелях, останавливались у неизвестных нам подъездов, где я читал ей вслух книги, припрятанные у нее в сумке, часто делал ей открытки по нашей любимой с ней музыке или кино, которые она использовала в виде закладок для книг. Каждая из наших встреч демонстрировала имеющиеся у Л. зависимости, будь то секс, лекарства, обернутые в маленькие капсулы, алкоголь, тактильность или сигареты, но меня поражало, как легко она может всем им противостоять. Особенно мне нравилось подносить язычок огня к только что взятой Л. сигарете, приговаривая: «Если девушка уверена в себе, то она зажжет сигарету сама. Если нет, но эта ноша падает на плечи мужчины». Л. с соблазнительной задумчивостью смотрела на меня, всегда давая за ней поухаживать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.